

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 165

ББК 87.22

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-166-182>

А. Соломоник
Иерусалим, Израиль

Abraham Solomonick
Jerusalem, Israel

Философия суперсимметрии

Philosophy of Supersymmetry

Настоящая статья посвящена новому видению философии познания и ее трансформациям на протяжении истории человеческой цивилизации. Вначале автор рассказывает, что он понимает под философией познания, смысл которой заключается в том, чтобы заполнить пробелы в процессе поиска, пробелы, еще не установленные в практическом опыте. Затем он рассматривает вопрос о том, как развивалась эта философия. В истории познания выделяются три этапа: религиозно-мистический этап; первый научный этап и второй научный этап, к которому мы переходим, по его мнению, сегодня. Этот второй научный этап характеризуется тем, что прежний прямой и ясный период, основанный на дуалистической логике исключения всех прочих решений, должен смениться допуском возможных альтернатив, которые постоянно появляются в нашей многообразной действительности. Этот этап предусматривает разрешение иных научных обобщений, а не только тех, которые нам первоначально подсказывает традиционная логика мышления, устойчивая и непоколебимая логика исключения третьего.

Ключевые слова: философия уже не «царица наук», исчезнет ли философия познания совсем?, дуалистическая логика противоположностей, философская суперсимметрия.

The article presents a new focus on philosophy of knowledge: its birth, development and transformations. A. Solomonick distinguishes three subsequent phases in its development: mystical-religious approach to people's knowledge acquisition; the first scientific stage in access to knowledge (from the middle of the second millennium until the XXth century); and the second scientific stage which is evolving in our time. The initial stage is based on the beliefs (faith) and on the authority of national leaders; the first scientific period deals with the observance of the phenomena in question in natural ambience or in experiment; the modern scientific period presents a multimodal approach to the observed matter and the acceptance of all its modifications, even those that encroach beyond strictly dualistic logic, because such logic discerns only two opposite realizations of various complex appearances. To obtain this goal the author suggests supersymmetric analysis of the discussed complexes and problems.

Keywords: philosophy is no more the «queen of all sciences», did it completely lose its influence?, dualistic logic, philosophy of supersymmetry.

Сведения об авторе: Соломоник Абрам, доктор педагогики, почетный профессор.

Место работы: Иерусалимский университет, Израиль.

E-mail: semiosol@netvision.net.il
<https://orcid.org/0000-0003-0476-8925>

About the authors: Solomonick Abraham, PhD, Professor Emerita.

Place of employment: University of Jerusalem, Israel.

E-mail: semiosol@netvision.net.il
<https://orcid.org/0000-0003-0476-8925>

Проблема определения философии началась с того момента, когда появились люди, объявившие, что предметом их занятий является «философствование». После возникновения в Древней Греции и до самого последнего времени многие считали философию «царицей наук». Виднейшие представители философского знания неизменно оказывались в центре внимания и оказывали серьезное воздействие на общество в целом и в особенности на ученых в различных областях знания. Однако с середины XX века влияние философии стало подвергаться сомнению, а в

теперешнем столетии и вовсе, кажется, сошло на нет. В чем же дело? Разберемся в этом по порядку.

В чем проблема современной философии?

Понятие «философия», как было сказано, возникло в Древней Греции. Само это слово дает первоначальное определение тому, что оно в то время означало: phileo в переводе с греческого значит люблю, а sophia – мудрость. В русском языке нашелся очень

точный аналог греческому образцу – *любомудрие*, то есть философами считались те, кто специально посвящал себя мудрым рассуждениям, в противоположность обыденным и незначительным разговорам. Темой для рассуждений могли оказаться самые различные предметы и явления, но философы в своих беседах должны были представить их в обрамлении последовательных обоснований. Вначале наиболее принятыми обоснованиями служили ссылки на литературных классиков типа Гомера или Гесиода либо на мнения мудрецов, высказывавших свои воззрения по поводу соотвествующих проблем. Через несколько столетий Аристотель (384–322 г. до н. э.) причислил такую аргументацию (т. е. «обращение к авторитету») к разряду логических ошибок, а впоследствии Джон Локк (1632–1704) дал ей латинское название *argumentum ad verecundiam* – «аргумент к скромности».

Известный российский философ начала XX века, Семен Людвигович Франк, специально занимавшийся выяснением употребления понятия «философия» в работах древнегреческих авторов, писал по этому поводу: «Впервые мы встречаем его у *Геродота* (V в. до Р. Хр.), где Крез говорит посетившему его мудрецу Солону: “Я слышал, что ты, философствуя, ради приобретения знания исходил много стран”. Здесь “философствовать” значит “любить знание, стремиться к мудрости”. У *Фукидида* (конец V в.) Перикл в надгробной речи над павшими в бою афинянами говорит, прославляя афинскую культуру: “мы философствуем, не изменяваясь”, т. е. “мы предаемся умственной культуре, развиваем образование”. У *Платона* (IV в.) мы встречаем слово “философия” в смысле, тождественном современному понятию науки, напр., в выражении “геометрия и прочие философии”. Вместе с тем у Платона мы встречаем указание, что Сократ любил употреблять слово “философия” как любомудрие, жажда знания, искание истины, противопоставляя его понятию мнимо-готового, законченного знания или мудрости софистов. У *Аристотеля* появляется термин “первая философия” в качестве основной или основополагающей науки, т. е. философии в современном смысле слова (или метафизики). В том смысле, в каком это слово употребляется теперь, оно вошло в употребление лишь в конце античной истории (в римско-эллинистическую эпоху)» [1: 6].

В так называемые Средние века философия под влиянием религии преобразилась; она либо пережевывала принятые ортодоксальные утверждения древних, либо высказывалась на религиозные темы. Мой любимый историк философии позднесоветской эпохи

А. Н. Чанышев отмечал: «В Средние века развитие философской мысли фактически прервалось. <...> Ведь в средние века философия была всего лишь служанкой теологии, этого философоподобного религиозного мировоззрения, сутью которого по-прежнему оставалась религиозная мифология, принимаемая на веру и воспитываемая у человека с самого раннего детства. Безверие было немыслимо. Инаковерие (ересь) жестоко наказывалось вплоть до изощренных пыток и максимального мучительного уничтожения» [2: 5].

Интерес к философии заново возродился в период Возрождения, но теперь он уже не мог игнорировать очевидные успехи науки. Философия бурно развивалась на фоне колоссальных достижений научного знания, сочетаясь и в какой-то мере конкурируя с ними за первенство в постижении законов природы. Когда к XX столетию наука окончательно утвердилась как законодательница моды на прогрессивное мышление, интерес к философии стал ослабевать – наука справлялась со своими задачами без помощи существовавшей философии, а философия в своих основных постулатах совершенно не изменялась. Философы лишь остроумно развивали старые устоявшиеся взгляды, сформулированные еще в греко-латинскую эпоху. Уменьшению роли философии в общечеловеческой копилке познания во многом способствовала так называемая *марксистская философия*, которая открыто провозглашала, что именно она и только она является абсолютно правильной, потому что она – «истинна по определению» («*правдива*», по словам В. И. Ленина).

Все это привело к сомнению в значении философии вообще и в частности – к философии познания. Вот некоторые тому примеры. В 1956 г. появилась книга Артура Хюбшера, позднее переведенная на русский язык [3: 49–54]. В ней мы находим следующие инвективы в адрес философии нашего времени:

«Картина современной философии, как мы видели выше, полна обещаний. Вспомним о прошлом: в XVI, XVII и XVIII веках носителем и хранителем философской мысли был светский человек – от Монтеня через Декарта и Лейбница до Юма и нисколько не профессионального, лишь очень благовоспитанного Канта. В XIX веке светский человек уступает место академическому философу, нарисованному во всей его красе в полемическом сочинении Шопенгауэра “Об университетской философии”. Творческое мышление отстает перед исследовательским и комментаторским повторением всех идей, из которых складывалась история идей, выдвинутых самостоятельно мыслящими (“*Selbstdenkern*”) от Платона до Аристотеля, от Аристотеля до Августина,

от Августина до Фомы, от Платона до Бруно, от Бруно до Спинозы. <...> Жизнь академического философа – это в лучшем случае работа, обучение, писание книг, полная поглощенность раз навсегда поставленной задачей, в которой остается все меньше общего с действительностью. Это мыслитель, далекий от мира, мы и теперь при случае видим его на какой-нибудь конференции: тихо, весь уйдя в себя, он говорит с нами из своей дали о том, что его занимало всю его жизнь. <...>

А все то, что можно было бы рассматривать как выигрыш в смысле широкого включения действительности, означает для философии лишь новую потерю (sic! – А. С.). С готовностью берущаяся за все современные задачи, она окончательно утратила свою роль царицы наук, верховного судьи и свободной руководительницы исследования. Она ничего не может теперь давать серьезному труду естествоиспытателей. Она истощает себя в подражании Гегелю, в кропотливой и в сущности бесцельной возне с понятиями, в тканье паутины все новых категориальных схем, на редкость абстрактных фантазий и конструкций. Страсть к формальному заставляет перекидываться на соседние области, изложение и обоснование метода представляется последней и самой скромной из целей мыслителя. За этим следует уже шаг в двойную область литературы и фельетона. Предательскую роль играет также частое соединение мыслителя с писателем. <...> Еще раз: где те мыслители, которые, благоговей перед наследием и в то же время служа современности, понесут факел в будущее?» [Там же].

Не в бровь, а в глаз, хотя и с некоторым переклестом: есть множество академических философов, которые пытаются приклеить к блистательному наследию сегодняшней науки, но безуспешно. «Бесцельная возня с понятиями», увы, необходима, равно как и «категориальные схемы и абстракции»; но по существу Хьюбер попал в самое яблочко. В наше время крайне необходимо, уважая старину, приспособить основные, существующие много сотен лет философские постулаты к современному уровню научных достижений, которые были достигнуты много позднее. Сыграв свою роль в прогрессе человеческой цивилизации, даже эти постулаты вынуждены изменяться, и к этому призывает нас более чем плачевное состояние современной философской науки.

Сегодня о бедственном положении философии говорят уже не единицы, но множество людей, – как принадлежащих по роду занятий к племени профессиональных философов, так и представители иных наук. Обратимся к доказательствам данного факта. Когда я открыл книгу Стивена Хокинга и Леонарда Млодинова «Высший Замысел», то был с первых же строк сильно обескуражен, ибо прочитал там следующее утверждение: «Традиционно все эти вопросы (о природе бытия. – А. С.) касаются философии, но философия мертва (курсив мой. – А. С.). Она не выдержала состязания с наукой, особенно с физикой. Ученые взяли в свои руки факел, освещающий процесс познания. Целью данной книги является предложить объяснение новейшим научным изысканиям, осветить их теоретическое значение. Они предлагают совершенно иную картину вселенной и нашего в ней места, картину, отличную от традиционной, даже от той, которая нам являлась пару десятков лет тому назад...» [4: 13]¹.

Я был поражен до глубины души словами о том, что на сегодняшний день «философия мертва». Один из ведущих физиков планеты, выдающийся проповедник и провозвестник научных открытий последних десятилетий, заявляет, что сегодняшняя философия никак не помогает ему толковать новейшие данные об устройстве вселенной и о роли человека в общей картине мира. В конце концов, философией занимались люди несколько тысяч лет, да и сегодня еще масса людей претендует на исполнение принятого ими на себя философского долга в объяснении новейших научных достижений.

Но, поразмыслив, я понял, что со своей колокольни авторы книги в определенной мере правы: физикам и представителям прочих точных наук прежние философские представления попросту не нужны, ибо выводы ученых и существующие философские постулаты в очень малой мере совпадают между собой: они как бы идут параллельным ходом, не пересекаясь друг с другом. Чаще всего философы просто берут новейшие достижения ученых и пытаются приспособить их *post factum* к существующим философским построениям. Что может дать такой подход для стимулирования новых открытий? Да и нужен ли он для науки, которая в основном питается своими внутренними источниками,

¹В оригинале: «Traditionally these are questions for philosophy, but philosophy is dead. Philosophy has not kept up with modern developments in science, particularly physics. Scientists have become the bearers of the torch of discovery in our quest for knowledge. The purpose of this book is to give the answers that are suggested by recent discoveries and theoretical advances. They lead us to a new picture of the universe and our place in it that is very different from the traditional one, and different even from the picture we might have painted just a decade or two ago».

своими же новейшими открытиями и их внедрением в практическую жизнь?

Тем не менее, вывод о том, что носителями философского знания становятся исключительно сами ученые *в рамках их конкретной науки*, меня не устраивает. Из него следует, что физики дадут картину мира в свете выведенных ими постулатов, биологи представят нам свою трактовку, ученые иных специальностей добавят к этому дополнительные оттенки и т. д. Как обобщить такие различные точки зрения и такое лоскутное знание в общую картину существующего мира? Мы просто получим разнообразные блюда, которые будет невозможно свести в единое полезное и удобоваримое целое. И, опять-таки, вся философия останется простым толкователем уже полученных результатов, но никак не заранее продуманным меню с соответствующими критериями отбора блюд.

Философия, к счастью, никуда не скрылась и не исчезла. Ярким тому доказательством является та самая книга Хокинга и Млодинова, которую я процитировал выше. Она в той же мере принадлежит как физике, так и философии; просто она толкует новейшие достижения физики, пытаясь придать им общефилософский характер. Фактически авторы пытаются создать современную философию вместо старой, которая их не устраивает, но делают это исключительно на материале физики и примыкающих к ней наук. Такой подход кажется мне недостаточным и не покрывающим те философские откровения, к которым можно прийти, ориентируясь на *общенаучный подход в оформлении современной философии, строящийся не только на выводах конкретных наук*. Не отрицая важность новых физических результатов, включающих достижения космологии и некоторых иных наук, я полагаю, что, ориентируясь только на них, мы не сможем сформулировать необходимые философские обобщения, касающиеся человеческого бытия в целом. Для этого требуется создать философию нового типа, базирующуюся на иных, чем прежде, постулатах.

Кстати, такой же точки зрения придерживаются и некоторые современные профессии-

ональные философы. В подтверждение своих слов я могу сослаться на длительную кампанию, которую ведет ради, так сказать, «спасения философии от ее окончательного исчезновения с научной арены» философ из Майами Сьюзен Хаак². В своей недавней статье «*Подлинная проблема: может ли философия быть спасена?*» она пишет: «Да, что-то прогнило в самой сути философии. Согласно замечанию моего коллеги: “Наша профессия пребывает в быстром падении (в штопоре)”. На вопрос “Как долго это падение может продолжаться?” ответ был: “До самого неба”» [5]³.

Причиной неблагополучия Хаак считает следующее: «Одна из причин – это стремление руководителей университетов к раздуванию бюрократического аппарата, который все больше требует практических выходов для научных трудов, ориентирующихся на выбивание грантов, вымалываемых далеко не только интеллектуально изложенными доводами, но сообщениями престижа и прочими не относящимися к исследованию причинами. Все сильнее сказываются изменения, произошедшие в издании научных трудов: возросший в них акцент на отвлекающие от дела, но необходимые для публикации издательские параметры оформления текстов, изматывающие авторов своими различными деталями, которые, якобы, совершенно необходимы, чтобы «рукопись продать». В результате мы получаем абсолютно выжатую и бледную академическую прозу, бесконечное рецензирование представленных текстов, которые становятся все более каноническими и повторяющимися до степени плагиата» [Там же]⁴.

Хаак приводит еще много иных важных причин снижающейся популярности сегодняшней философии, но она также останавливается и на призывах заменить философию простыми выводами из достижений точных наук: «Я также не верю, что мы можем просто передать разрешение философских проблем иным, нежели философия, наукам. Не верю я и заверениям, что только результаты этих

²Susan Haack (born 1945) is Distinguished Professor in the Humanities, Cooper Senior Scholar in Arts and Sciences, Professor of Philosophy, and Professor of Law at the University of Miami.

³В оригинале: «I don't believe *either* that we can simply hand philosophical questions over to the sciences to resolve, or that only questions resolvable by the sciences are legitimate».

⁴В оригинале: «How did this happen? Some of the problems are the result of changes in the management of universities affecting the whole academy: the burgeoning bureaucracy, the ever-increasing stress on “productivity,” the ever-spreading culture of grants-and-research-projects, the ever-growing reliance on hopelessly flawed surrogate measures of the quality of intellectual work, the obsession with “prestige,” and so on. And some of the problems are the result of changes in academic publishing: the ever-more-extensive reach of enormous, predatory presses that treat authors as fungible content-providers whose rights in their work they can gobble up and sell on, the ever-increasing intrusiveness of copy-editors dedicated to ensuring that everyone write the same deadly, deadpan academic prose, the endless demands of a time- and energy-wasting peer-review process by now not only relentlessly conventional but also, sometimes, outright corrupt, and so forth».

наук делают любые наши утверждения легитимными» [Там же]⁵.

Итак, мы ознакомились с некоторыми сомнениями по поводу ведущей роли философии в современной науке. На основании приведенных выше взглядов попробуем нарисовать общую схему развития философии во времени так, как я ее понимаю.

Как я понимаю роль философии в процессе научного познания

Философия возникла тогда, когда люди задумались о том, что человек может понять устройство мира и роли в нем разумных существ, когда они осознали, что такое понимание может привести нас к господству над природой и социумом. Наука еще не началась в том виде, в котором мы привыкли ее видеть сегодня, и речь шла лишь о первых попытках вычленить ее из безбрежного моря общих рассуждений. На этой стадии развития, когда научное знание еще не оформилось, основой понимания действительности могли служить лишь общие умозрительные рассуждения о том, как устроен мир, что лежит в его основе и как ко всему этому лучше и убедительней подойти.

Особое место в натурфилософии занимал вопрос о «первоначале всего сущего». *Фалес* из Милета в Средней Азии (ок. 625 – ок. 547 г. до н. э.), которого считают зачинателем научного познания, считал, что основой всего является вода. Он писал, что именно вода является «вечной, бесконечной, движущейся, вещественной первоосновой, из которой происходят все вещи и в которую они превращаются вновь» [wikipedia.org]⁶. *Анаксимандр Милетский* (ок. 610 – ок. 547 г. до н. э.) первоначально полагал первоначалом, которое назвал «апейрон», т. е. неопределенное (беспредельное, бесконечное). «...у него (у беспредельного) нет начала, но оно само кажется началом остальных вещей. Оно объемлет все и само правит» [6]. *Анаксимен*, также из Милета (ок. 588 – ок. 525 г. до н. э.), материальным первоначалом сущего считал воздух. *Гераклит Эфесский* (ок. 520 – ок. 460 г. до н. э.) полагал, что основой всего является огонь. Было много иных теорий, в которых выделялась одна первопричина либо их комбинации. Пожалуй, можно сказать, что проблема первоосновы бытия была центральной для возникающей позитивной науки.

Чтобы обосновать свою аргументацию, философы ссылались не на ученых, а на авторов

эпических поэм, имена которых славились в веках, – Гесиода и Гомера, – а также на работы современных им и более ранних древнегреческих философов. Иных авторитетных прецедентов у них просто-напросто не было. Вновь возникавшие науки они рассматривали как проявление философского знания. Так, например, у Страбона (ок. 64/63 до н. э. – ок. 23/24 н. э.), сочинения которого являются для нас основным источником географических представлений двухтысячелетней давности, мы читаем: «Я считаю, что наука география, которой я теперь решил заниматься, так же, как и всякая другая наука, входит в круг занятий философа. Что этот наш взгляд правилен, ясно по многим основаниям. Ведь те, кто впервые взяли на себя смелость заняться ею, были, как утверждает Эратосфен, в некотором смысле философами: Гомер, Анаксимандр из Милета и Гекатей, его соотечественник, затем Демокрит, Евдокс, Дикеарх, Эфор и некоторые другие их современники. Философами были и их преемники: Эратосфен, Полибий и Посидоний» [7].

Философия оставалась «царицей наук» до самого последнего времени, пока не сменилась парадигма научного поиска и центр научных прорывов не был перенесен с априорного теоретизирования на практические методы изучения конкретных вопросов. Найденным таким образом фактов скопилось так много, что они перестали нуждаться в услугах сопровождающей их философии. В наше время претворение в жизнь размышлений по поводу той или иной научной проблемы отнюдь не ограничивается мыслительными процедурами; оно находит продолжение в исследованиях, наглядно решающих тот или иной вопрос, что кардинально меняет всю картину.

Философские размышления оказываются лишь начальной стадией процесса познания, а дальше все идет путем научного поиска, оставляющего теоретизирование на полях, а не в центре наших усилий. Именно поэтому в тандеме философии и позитивной науки лидерство постепенно перемещалось от первой ко второй. Когда позитивная наука стала играть центральную роль, она постепенно утвердилась в мнении, что притязания философии на объяснение мироустройства излишни и даже мешают научному прогрессу. Справедлива ли такая позиция на настоящем этапе развития познания мира человеком, предстоит обсудить ниже.

⁵В оригинале: «I don't believe either that we can simply hand philosophical questions over to the sciences to resolve, or that only questions resolvable by the sciences are legitimate».

⁶URL: <https://works.doklad.ru/view/A3oFfSGAnEM.html> (дата обращения: 10.12.2018).

Справедливо ли отказываться от философии вообще?

Выше я цитировал ученых, которые соглашались с критической оценкой роли гносеологии в сегодняшней науке, но указывали на разные причины такого состояния дел. Артур Хьюбшер отмечал отсутствие креативного подхода к устоявшимся давным-давно философским понятиям. Стивен Хокинг, увлеченный успехами физики и космологии в решении стоящих перед человечеством задач, решил, что этого вполне достаточно для дальнейшего развития человечества без всякой философии. Сьюзен Хаак сетует на всевозможные чисто административные препоны развитию философии. Думается, что все они правы в своих конкретных подходах к диагностике причин стагнации в современной гносеологии. Однако решающими для меня являются доводы Хьюбшера. Как и он, я считаю, что философия должна играть в человеческом познании если не решающую, то одну из главных ролей, но для этого она должна быть модернизирована в свете перемен, произошедших в науке и ее приложениях на протяжении последних столетий.

Ниже я предлагаю один из возможных вариантов изменений философской парадигмы научного познания. Я полагаю, что измененная в указанном мной направлении философия сможет остаться одной из основных составляющих процесса человеческого познания, – как природы, так и социума. Побудительной причиной предлагаемых изменений явилось то обстоятельство, что в своем прежнем виде заимствованная из давнего прошлого философия стала бесполезным довеском, мешающим реальному прогрессу в науке. Что же я предлагаю?

Во-первых, изменить понятие «сущего», прежде известного под названием «материя»

То, что является нашему взыскующему уму и подлежит изучению, я предлагаю разделить на три отличающиеся друг от друга части. Первая часть – *онтологическая реальность*; вторая – *семиотическая (знаковая) реальность*; третья – *реальность виртуального плана*. Ниже приводятся их краткие характеристики, которые могут быть развернуты в конкретные философские приложения (апликации).

⁷Эти названия были предложены еще в Древней Греции.

Онтологическая реальность

Онтологическая реальность появилась еще до возникновения признаков живого на нашей планете и до сегодняшнего времени существует в начальном виде на иных, кроме Земли, небесных телах. Она существует и изменяется по своим природным законам. Самое интересное заключается в том, что онтологическая реальность существует не хаотично, а согласно каким-то правилам, которые присущи той или иной системе. Так, наша планета оказывается вовлеченной в Солнечную систему; Солнечная система включена в нашу галактику, а та, в свой черед, – в общую схему мироздания. Онтологическая реальность Земли состоит из двух частей – самой планеты со всем ее содержанием и нас самих, которые в своем материальном облике должны нами же изучаться и улучшаться. В материальном окружении можно выделить две составные части: ту, что осталась нетронутой людьми (*первая природа*), и ту, что подверглась человеческому влиянию (*вторая природа*)⁷.

То, что онтологическая реальность живет и развивается не хаотически, а в соответствии с присущими ей закономерностями, дает людям возможность их изучать и частично изменять саму онтологию на пользу человечества. Такое изучение позволяет нам формулировать полученные результаты в так называемых *законах природы*. Законы природы выражаются знаками, о которых пойдет речь ниже. Основной единицей всего происходящего в онтологическом мире являются *вещи-события* – так я назвал все объективно существующие предметы, явления и события.

Вещи-события изучаются в форматах той или иной научной дисциплины, что дает возможность подойти к процессу познания со специфическими для каждой науки методами и формулировками результатов исследования. Следует отметить, что из трех выделенных мной материальных сфер онтологическая реальность является начальной и иницирующей дальнейшее развитие. Она также выступает в роли контролирующей инстанции, которая оценивает любое исследование с точки зрения его практической ценности, – может ли оно помочь сделать жизнь более комфортной и целенаправленной. Полученные результаты могут касаться не только выводов в отношении самой онтологии, но и тех знаковых систем, которые мы в конкретном исследовании применили.

Семиотическая реальность

Семиотическая реальность состоит из знаков и знаковых систем, которые люди придумали для ориентировки в окружающем мире. Знаки и их системы имеют своей целью перенести в мозг все, с чем мы сталкиваемся в жизненной практике. Все это приобретает вид образов, которые возникают в мозгу, когда мы думаем о происходящем, но для думания приходится *называть* сами образы, их характеристики и связи между ними. Лишь с помощью знаков становится возможным соединять образы в продолженные и логически организованные мысли. Кроме функции организации мыслительной деятельности, знаки оказываются средством для перенесения наших мыслей вовне, их передачи другим людям, способствуя таким образом возникновению сотрудничества между индивидуумами.

Все придуманные людьми знаки и знаковые системы собираются в особой сфере бытия, которая изучается новыми поколениями и используется ими для дальнейшего продолжения и усовершенствования. Я называю эту сферу *материальной*, потому что содержание знака можно понять, если он встречался ранее или объясняется *ad hoc*, когда человек с ним сталкивается. Существуют знаки, содержание которых остается неизвестным (например, слова вышедших из употребления языков); тогда они не срабатывают, ибо знаки – это форма + закрепленный за ней смысл. *Знак* служит основной единицей этой сферы реальности.

Для объяснения законов природы знаки связываются в системы, параллельные онтологическим системам, которые тоже включают в себя множество объектов. Каждый закон природы регулируется знаковой системой, включающей свои специфические знаки. Таким образом, каждая наука, призванная объяснить ту или иную область реальности, включает в себя целый комплекс знаковых систем, состоящих из знаков, получивших повсеместное признание и распространение. Они одинаково изучаются по всему миру, несмотря на разные языки изложения данной дисциплины.

Следует подчеркнуть, что знаковые системы, хотя и претендуют на полное объяснение того или иного онтологического явления, представляют собой совершенно иной пласт действительности, развиваются по собственным законам и не всегда адекватно раскрывают предмет, который они представляют. Тому имеются многочисленные свидетельства, например, календари. В разных цивилизациях использовались различные календари, которые ориентировались на постоянные косми-

ческие явления. Ни одна из этих знаковых систем не смогла до конца совместить два фактора, которые представлены в календаре, – дни и годы.

Год не совмещается по протяженности с цельным количеством включенных в него дней, всегда остается какой-то остаток. Его приходится компенсировать, и лучшей календарной системой может считаться та, в которой наиболее простым образом осуществляется коррекция остаточных часов суток. В григорианском календаре коррекция выражается одним днем февраля, прибавляемым раз в четыре года, а в древнееврейском лунно-солнечном календаре она происходит за счет дополнительного месяца, добавляемого семь раз в 19 лет (т. е. в 19-летнем цикле семь високосных лет). Ясно, какой календарь предпочтительней, но религиозная традиция не позволяет сменить систему исчисления, и древний календарь существует в государстве Израиль еще и сегодня.

Можно привести иные примеры. Наиболее яркими с моей точки зрения являются апории, которыми философы удивляли несведущих людей со времен Древней Греции. Самые знаменитые апории были представлены в трудах Зенона из Элеи; еще в XX веке ими занимались Бертран Рассел и Анри Бергсон. Наиболее известной апорией является состязание в скорости между черепахой и Ахиллесом, который, по утверждению Зенона Элейского, никак не может догнать черепаху, вышедшую на дистанцию раньше него. За прошедший отрезок времени черепаха все же уходит вперед, так как она также движется, а математическая величина делится до бесконечности. В онтологической реальности Ахиллес, разумеется, легко обгоняет черепаху, и задача, через какой промежуток времени он ее догонит и перегонит, легко решается алгебраическим уравнением первой степени в пятом-шестом классе. Так что апория возникает из-за неправильно выбранной математической системы, применяемой в данном случае.

Эти и иные легко находимые примеры убеждают нас, что знаковые системы не всегда полностью совпадают со своими онтологическими аналогами, а вся знаковая реальность обладает собственными закономерностями, которые следует изучать и формулировать отдельно.

Виртуальная реальность, порожденная нашими мечтами и замыслами, является третьим компонентом материальной действительности.

Она существовала всегда, а в начале цивилизации играла решающую роль и имела преобладающее значение для развития че-

ловечества. Ведь поначалу мы еще очень мало знали об окружающей действительности и в ходу были знаки очень малой степени абстрактности. Тогда преобладали фантазии и мечты. По мере становления человеческого общества прежние мечты мало-помалу реализовывались на практике и обзаводились своими обозначениями. Таким образом, шагреновая кожа мечтаний постепенно суживалась за счет перехода мечты в реальные объекты и в их знаки. Возьмем в качестве примера мечту людей о полетах. Начав с мифа о Дедале и Икаре и сказок о полетах на ковре-самолете в фольклоре разных народов, люди впоследствии действительно поднялись в воздух, сконструировав машины, которые намного превзошли пернатых по всем параметрам полетов. То же самое происходило и в других областях приспособления людей к жизни на Земле.

Все шло своим ходом до нашего времени, только мы считали, что мечты – сугубо идеальная конструкция, выступающая как оппозиция материи. Ситуация изменилась с изобретением и усовершенствованием компьютера и с его появлением на столе почти у всех грамотных людей. Компьютер – всеобщий расчетчик и обработчик заданных ему программ – стал тем инструментом, который поднял виртуальную реальность на недостижимую прежде высоту по сравнению с остальными вышеупомянутыми видами реальности. Обращение к компьютеру стало *conditio sine qua non* для исследований в любой отрасли науки и практической деятельности.

Вот несколько разновидностей виртуальной реальности, которые бурно развиваются в наши дни.

Дополнительная к онтологической среде, когда, не выходя из рамок онтологии, мы оказываемся в виртуальном мире либо проникаем в невидимую для нас действительность, используя специальную аппаратуру. Примерами первого вида являются тренажеры: для обучения вождению автомобилей, управлению самолетами либо судами и пр. Пример второго рода – обращение хирургов к экранам, на которые выводятся данные о состоянии оперируемых. Они воспринимаются с помощью специальных датчиков, которые дополняют картину происходящего, воспроизводя невидимые детали средствами виртуальной действительности.

Дополнительная к знаковой реальности. Например, при возникновении теории, которая воспроизводит что-то основное, оставляя пробелы для будущих изысканий. Эти пробелы временно закрываются умственными мостиками, учитывающими начальные и конечные опорные логические ориентиры. Иван Лап-

шин называл такие допуски *фантазмами* [8: 105]. В качестве примера он приводил исследование Жоржа Кювье (1769–1832), основоположника палеонтологии, который, хорошо зная анатомию, мог восстановить строение тела животного по нескольким сохранившимся костям. Еще один яркий пример – теория Чарльза Дарвина, по которой эволюция видов в животном мире происходит в направлении их усложнения. В ней между уже известными науке видами были оставлены пропуски для тех видов, которые должны были обнаруживаться в процессе дальнейших исследований. Эта виртуальная реальность существовала до того момента, пока соответствующие останки неизвестных ранее видов не открывались в раскопах. Тогда они либо заполняли пробел, и объект из виртуальной переходил в семиотическую плоскость, либо прежние теоретические предположения отвергались и в них вносились поправки.

Виртуальная реальность, иницирующая исследования и открытия. Это самая интересная и самая плодотворная часть виртуальной реальности, примеров которой немало в истории любой науки. Так, в частности, массу соответствующих новшеств инициировали фантастические идеи Жюль Верна. Пока идея не реализована, она остается в пределах мечтаний, зато после своей реализации она переходит в онтологию либо в семиотическую действительность. Любопытна судьба идей, принявших в виртуальной стадии своеобразную культурную оболочку, которую впоследствии приходится изменять.

У всех народов с незапамятных времен складывались мысли о справедливости и о наказании неправедных деяний. В каждой культуре они принимали собственную форму, часто не совпадавшую с аналогичными представлениями в иных странах. На базе этих представлений в любой стране создавалось свое правовое поле, в котором разрозненные мысли превращались в конкретные законодательные нормы. В условиях глобального мира, в который мы постепенно переходим, выделяются случаи единогласного одобрения, ибо все люди ратуют за наказание виновных в особо жестоких преступлениях. Тогда *ad hoc* создаются соответствующие суды, как, например, Нюрнбергский процесс над нацистами после Второй мировой войны. В число участников процесса были приглашены выдающиеся юристы из разных стран, процессуальные нормы и составы преступлений появлялись по ходу дела, но нацисты были осуждены и получили справедливые приговоры. И все же это еще не окончательное решение вопроса, для него требуется создание постоянного международного суда

с закрепленным международным уголовным, гражданским и пр. кодексами и соответствующими формулировками принятых всеми участниками норм права. Только тогда проблема из виртуальной реальности перейдет окончательно в семиотическую и/или онтологическую сферу.

И, наконец, возможна *виртуальная реальность, которая всегда останется таковой*. К этому типу реальности относятся сны, которые вовсе не подчинены законам логики, и представления о сказочных и мифических существах, на самом деле не существующих и не могущих существовать. Все остальные фантазии, сколь бы нереальными они ни казались сегодня, имеют шанс в будущем получить статус подлинного онтологического или семиотического явления.

Виртуальная реальность своей базисной ячейкой имеет *виртуальную модель*, и обычный способ ее обработки состоит в следующем. Задумав виртуальную модель, мы вводим ее в компьютер, после чего она подвергается там обработке в соответствии с программой, опять-таки задающейся человеком. Компьютер работает с моделью и либо достигает необходимого результата, либо нет. В первом случае мы воплощаем модель в конечном продукте, и она становится объектом онтологии или семиотической реальности. Во втором – мы продолжаем поиск либо прекращаем его как неэффективный.

Совмещение трех видов реальности в процессе познания

При столкновении с новым явлением в любом из указанных слоев реальности оно обустроивается в человеческом сознании, которое пытается его понять и испытать на прочность и полезность. Я хочу подчеркнуть, что первоначальный образ предмета обсуждения в мозгу перестраивается в форму, удобную для его наглядного представления и дальнейшей обработки. При этом включается иной срез мышления, который я назвал *мета-мыслием*. Первый слой мышления посвящен содержанию того, что мы обдумываем, мета-мыслие же устанавливает порядок обдумывания, соответствие нового с уже существующим в мозгу знанием и способы наиболее полного и результативного использования этого симбиоза. Иначе говоря, первый слой мышления отвечает на вопрос «*что мы обсуждаем?*», второй – на вопрос «*как надо думать, чтобы прийти к правильному выводу?*», т. е. его логическому построению. Вот как это выглядит на схеме, помещенной на рисунке.

Я использовал знакомую всем модель Солнечной системы, в которой на центральном месте находятся метамысли. Они распоряжаются вращающимися вокруг данными из трех слоев реальности, сочетают их в необходимой пропорции и представляют полученный вывод на обсуждение заинтересованной публике. При этом возникает резонный вопрос: почему я придаю мыслям двойное подчинение, с одной стороны, подчеркиваю их несомненную идеальную природу, с другой – акцентирую их ведущую роль в построениях виртуальной реальности. Прежде всего потому, что мысли в виртуальной реальности действительно инициируют создание практических новаций. Они возникают как бы из ничего, а на самом деле из нашего прежнего практического опыта и нашей интеллектуальной изоэдренности. Кроме того, наш прежний опыт подвергается контролю со стороны уже имеющихся достижений в других пластах реальности. К тому же разбиение мышления на два слоя – по существу дела и по его кардинальной перестройке в логически корректном ключе – дает нам для этого основание. Вопрос «а нужно ли нам все это?» будет рассмотрен в следующем, заключительном параграфе.

Философия суперсимметрии

Итак, выше я наметил контуры нового понимания материальной реальности, теперь мне предстоит пояснить, как эта реальность изучается, то есть, как мы ее познаем. Мысленно я представляю себе историю гносеологии разделенной на три этапа развития: *мифологический, научный период первой ступени и научный период второй ступени*.

Прежде всего я считаю необходимым дать следующее предварительное пояснение. Человек, который определяется как «разумный» (*Homo sapiens*), на любой ступени своего развития интересуется свойствами своего окружения, своего места в нем и возможностью наилучшего к нему приспособления. Иными словами, он старается *познать* свое окружение и способы влияния на него. Этот

присущий человеку интерес проявлялся по-разному на трех последовательно сменявших друг друга ступенях развития. Смена ступеней развития выражалась не только в характере воздействия человека на среду обитания, она означала также прогрессивные изменения в самом человеке – в его мышлении и в образе жизни.

Религиозно-мистическая ступень познания мира

На начальном этапе люди полагали, что само человечество и среда его обитания возникли по воле неких внешних могущественных сил, которые наделялись статусом повелителей всего и вся. Соответственно, первая стадия гносеологии всецело находилась во власти мифологических либо религиозных предстаний. Эта стадия длилась примерно до середины второго тысячелетия нашей эры, когда редкие мудрецы начали подвергать сомнению если не существование высшей силы, то, во всяком случае, ее неперемное вмешательство в жизнь людей. Это прежде всего были ученые – представители той или иной области знания: например, основоположник научной анатомии нидерландский врач Андреас Везалий (1514–1564) или физик и астроном Галилео Галилей (1564–1642). Были пророки и среди философов, скажем, англичанин Фрэнсис Бэкон (1561–1626), провозгласивший новую эру человеческого познания, – эру познания научного.

Научный период первой ступени

Эта стадия началась, как было сказано, в середине второго тысячелетия по григорианскому календарю и продолжается до наших дней. Появилось множество наук, которые в основу своей парадигмы положили отказ от религиозной доктрины мироустройства и человеческого развития. Вместо нее ученые уверовали в девиз Фрэнсиса Бэкона «знание – сила» и в то, что знание надо извлекать из постижения практической жизни: путем собирания фактов в своей области исследования и из специально поставленных экспериментов. Только это и должно служить базой для получения выводов о природе сущего и законов его развития. Кроме того, они объявили, что все выводы, которые провозглашают ученые, должны еще проходить верификацию опытом и только после этого (в случае их соответствия поставленной задаче) их можно считать истинными и окончательными.

Такой подход питал науку несколько последних столетий, за это время она основательно изменила наш мир. Успехи науки

неоспоримы – они, и только они, составляют содержание школьного обучения в большинстве стран. В результате львиная доля человечества воспринимает сегодня мир через призму научного метода. Этому методу посвящено безбрежное море книг и иных пособий, ему же отдала дань и современная теория познания. Откуда же сомнения последних десятилетий в эффективности современной философии познания, часть из которых приведена в начале моей статьи? Не являются ли они свидетельством того, что период нынешнего понимания мироустройства подходит к концу? Думаю, что да.

Научный период второй ступени

Обращаю внимание читателей на то, что этот и предыдущие параграфы содержат слово «научный» в своих названиях. Я ни в коем случае не собираюсь отказываться от научного способа познания мира. Речь идет лишь о *степени проникновения в исследуемую реальность*, а что это такое, смотрите дальше.

Неполнота современного познания

Наука последних столетий сделала колоссальные успехи, но в основу мировоззрения ученых был, по-моему, априорно заложен неполный логический импульс – рассматривать только то, что соответствует *закону исключенного третьего* (лат. *tertium non datur*, то есть «третьего не дано»). Принцип этот логический и требует логического анализа. Человечество немало потрудились, чтобы выделить наиболее эффективные методы мышления. Для этого и была создана наука логики. Основоложник формальной логики Аристотель разработал теорию умозаключений – *силлогистику*. Тот, кто следовал ее правилам, – философ или оратор – мог составить рассуждение таким образом, что из приводимых утверждений (посылок) непротиворечивым образом вытекал последующий вывод. Аристотель иллюстрировал свои рассуждения языковыми примерами, которые остались в веках и дожили до нашего времени.

Любая знаковая система (каковой является и силлогистика) в процессе совершенствования изменяется в сторону увеличения абстрактности своих знаков. Не избежала этой судьбы и логика. Каждый член аристотелевского силлогизма получил буквенное обозначение, что расширило сферу их применения до любых возможных высказываний. Теперь можно было с помощью определенных правил, манипулируя буквами, обозначить целую последовательность мыслей. А в XIX столетии английский ученый Джордж Буль (1815–1864)

создал такую логику, которая с помощью простых операций могла служить для связи между людьми и машинами. Она стала прообразом компьютерного программирования.

Логика Буля еще называется Булевой алгеброй. Создание высказываний в ней (исчисление высказываний) покоится на двух принципах: на *принципе непротиворечивости* (высказывание не может быть одновременно и правильным, и ложным) и на *принципе исключенного третьего* (высказывание не может быть одновременно и неправильным, и неложным). Логический принцип исключенного третьего направляет наше мышление с юных лет и позволяет избежать множества ошибок, но в некоторых важных случаях он оказывается неработающим и ведет к ошибочным суждениям, ибо ряд жизненных ситуаций ему неподвластен. Они-то и подрывают веру в непогрешимость общепринятых принципов современной философии познания.

Вот некоторые примеры из различных наук и даже из практической жизни. Мы все верили в то, что люди могут быть двух полов, – мужского либо женского. Само слово «пол» произошло от слова «половина», и до XX века люди были уверены, что существуют лишь два пола. Сегодня мы являемся свидетелями борьбы против этого утверждения: люди меняют пол, вступают в однополые браки, даже существует целое племя людей, которые считают себя двуполовыми (не попеременно мужчиной и женщиной, а одновременно). В биологии есть определение живой материи, которое гласит: «Клетка – элементарная структурная и функциональная единица живого». В этом случае легко отделить живое от неживого: живое имеет в своей основе клетку, а неживое – атом. Не тут-то было; выяснилось, что вирусы и бактериофаги, которые явно принадлежат к живым существам, бесклеточны и размножаются делением, а не половым образом. Они, таким образом, относятся к промежуточной ступени между неживой материей и живой.

Наиболее показательным для моих рассуждений является современное определение света. С давних пор физики спорили о том, какова природа света, – то ли он имеет корпускулярную природу и распространяется прямолинейно отдельными порциями-корпускулами (Исаак Ньютон), то ли свет распространяется волнами (Гук, Гюйгенс и др.). Спор продолжался более двухсот лет, пока в 1923 г. Луи де Бройль не доказал, что свет имеет двойственную (дуалистическую) природу. По современным представлениям, свет обладает волновыми свойствами и представляет собой электромагнитные волны, но одновременно является и потоком частиц – фотонов. В зависимости от светового диапазона прояв-

ляются в большей мере те или иные свойства. Обратите внимание: два абсолютно противоположных свойства совмещаются в одном явлении природы.

На заре XX века физики начали изучать микромир атомных и субатомных частиц. К своему изумлению, они обнаружили, что он не подчиняется хорошо известным и проверенным законам механики и имеет отличную от них природу. Жаркие споры привели к появлению квантовой механики, которая базировалась на утверждении, что микромир является неопределенным по самой своей сути и что он может быть описан лишь в вероятностных, приблизительных терминах (Шрёдингер, Гейзенберг и др.). В это же время появились теории Альберта Эйнштейна об относительности проявлений макромира. Сегодня мы иначе описываем процессы, происходящие в трех сегментах природы: в мире мельчайших частиц, в мире космических масштабов и в нашем, так сказать, подлунном мире, на Земле.

Наконец, из конкретной повседневной практики. Все люди делятся на две группы: верующие в Бога (богов) и атеисты. Между ними происходят бесконечные споры, которые в ряде стран приобретают агрессивный характер. И в том, и в другом лагере есть люди, которые отказывают сторонникам противоположных взглядов в равных с ними правах, объявляя их «врагами народа». Они, мол, не патриоты, хотя живут и работают по законам страны, исправно платят налоги и служат в ее вооруженных силах. Эти споры, базирующиеся на принципе отрицания альтернативных взглядов и на двух непримиримых позициях, обычно ни к чему не приводят.

Преодоление указанного недостатка – философия суперсимметрии

Я полагаю, что нынешний этап развития цивилизации требует более изощренного подхода к уже существующему *научному способу изучения мира*. Он должен стать более чувствительным к изыскам природы. Нельзя втискивать все природные и социальные явления в строго формальные рамки «черного» против «белого» и в лозунг «кто не с нами, тот против нас». Можно представить себе историю философии познания как прошедшую два этапа развития: первый этап – *мифологический или религиозный*, и второй – *первичный научный*. За последние четверть века в результате активного научного натиска человечество добилось колоссальных успехов и во многом переделало условия существования людей. Пришло, однако, время для перехода к *следующему, более продвинуто-*

му научному подходу, который бы признал, что возможны отклонения от непреременных дуалистических «да» против «нет», а третьего не дано. Приходится допускать правомерность существования третьего, а может быть, и четвертого варианта одного и того же, проявлять толерантность к несогласным с тобой и признать в некоторых исключительных случаях возможность совместного существования «правдивого» ↔ «ложного».

Этот третий предполагаемый мной период я хочу обозначить термином «суперсимметрия». Термин этот уже применяется в физике высоких энергий и описывается в Википедии следующим образом: «Суперсимметрия, или симметрия Ферми – Бозе – гипотетическая симметрия, связывающая бозоны и фермионы в природе. Абстрактное преобразование суперсимметрии связывает бозонное и фермионное квантовые поля, так что они могут превращаться друг в друга.

<...> Основная физическая модель современной физики высоких энергий – Стандартная модель – не является суперсимметричной, но может быть расширена до суперсимметричной теории. <...> В любой реалистической суперсимметричной теории должен присутствовать сектор, нарушающий суперсимметрию. Наиболее естественным нарушением суперсимметрии является введение в модель так называемых мягких нарушающих членов. В настоящее время рассматриваются несколь-

ко вариантов нарушения суперсимметрии» [9: 153].

Меня особенно привлекает та часть определения, которая касается связи физической суперсимметрии с действующей Стандартной моделью строения мира. Последняя не является суперсимметричной, но допускает введение дополнительных оттенков с помощью новых теорий.

По моей модели в философии познания стандартный научный подход, который повсеместно принят сегодня, должен сочетаться с возможностью его расширения за счет допусков и альтернатив, которые природа нам постоянно открывает заново. Невозможно опираться только на жестко сформулированные логические принципы сегодняшнего дня; это приводит к конфликтам и недоразумениям. Новый подход еще предстоит сформулировать и уточнить как в философии познания, что является, по-моему, первостепенной задачей философов настоящего времени, так и в логике. Если говорить о логике, следует подчеркнуть, что уже существуют попытки создания «паранепротиворечивой логики»⁸, развивающейся именно в том направлении, о котором было сказано выше. Могу сослаться также на свои работы по *многофункциональной логике в знаковых системах*, которую я строил на протяжении многих лет в упомянутом мною ключе, например, монографию «Опыт современной философии познания» [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Франк С. Л. Введение в философию в сжатом изложении. Пг. : Academia, 1922. 84 с. Цит. по репринту 1992 г. URL: <https://studfiles.net/preview/3565878/> (дата обращения: 10.12.2018).
2. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М. : Высшая школа, 1991. 512 с.
3. Хьюбер Артур. Мыслители нашего времени (52 портрета). М. : ЦТР МПИ ВОС, 1994. 315 с. Цит. по: URL: <https://vikent.ru/enc/7391/> (сентябрь 2018).
4. Hawking S., Mlodinow L. The Grand Design. L. : Bantam Books, 2001. 315 p.
5. Haack Susan. The Real Question : Can Philosophy Be Saved? URL: <http://againstprofphil.org/susan-haacks-the-real-question-can-philosophy-be-saved/> (дата обращения: 16.12.2018).
6. Философское учение Анаксимандра // Русская историческая библиотека. URL: <http://rushist.com/index.php/philosophical-articles/2116-filosofskoe-uchenie-anaksimandra> (дата обращения: 25.01.2019).
7. Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. Книга 1. 67 с. М. :

Ладомир, 1994. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1260010000> (дата обращения: 18.12.2018).

8. Лапин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии (1922). Цит. по репринту: М. : Республика, 1999. 399 с.
9. Томили К. А. Фундаментальные физические постоянные в историческом и методологическом аспектах. М. : Физматлит, 2006. 368 с.
10. Соломоник А. Опыт современной философии познания. URL: http://conpl.ru/pub2/as_mpin.php (дата обращения: 25.12.2018).

REFERENCES

1. Frank S. L. *Vvedeniye v filosofiyu v szhatom izlozhenii* [Introduction to philosophy in a concise statement]. Petrograd, Academia Publ., 1922. 84 p. Available at: <https://studfiles.net/preview/3565878/> (accessed 10 December 2018) (in Russian).
2. Chanyshv A. N. *Kurs lektsiy po drevney i srednevekovoy filosofii* [Course of lectures on ancient and medieval philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 512 p. (in Russian).

⁸«Паранепротиворечивая логика позволяет «локализовать» действие противоречия в том смысле, что наличие в теории противоречия не ведет последнюю к разрушению, что в известном смысле является реализацией тезиса о неуниверсальности непротиворечия законов обычной логики». См. на: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/> (дата обращения 25.12.2018).

3. Hübscher Arthur. *Mysliteli nashego vremeni (52 portreta)* [Thinkers of our time (52 portraits)]. Moscow, TsTR MGP BOC, 1994. 315 p. Available at: <https://vikent.ru/enc/7391/> (accessed September 2018).

4. Hawking S. & Mlodinow L. *The Grand Design*. London, Bantam Books, 2001. 315 p.

5. Haack Susan. *The Real Question : Can Philosophy Be Saved?* Available at: <http://againststrophil.org/susan-haacks-the-real-question-can-philosophy-be-saved/> (accessed 16 December 2018).

6. Filozofskoye ucheniye Anaksimandra [The philosophical doctrine of Anaximander]. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Available at: <http://rushist.com/index.php/philosophical-articles/2116-filozofskoe-uchenie-anaksimandra> (accessed 25 January 2019) (in Russian).

7. Strabo. *Geografiya v 17 knigakh. Reprintnoye vosproizvedeniye teksta izdaniya 1964 g. Kniga 1* [Geog-

raphy in 17 books. Reprint reproduction of the text of the 1964 edition. Book 1]. Moscow, Ladomir Publ., 1994. 67 p. Available at: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1260010000> (accessed 18 December 2018) (in Russian).

8. Lapshin I. I. *Filosofiya izobreteniya i izobreteniya v filosofii : Vvedeniye v istoriyu filosofii (1922)* [Philosophy of invention and invention in philosophy : Introduction to the history of philosophy (1922)]. Quoted reprint : Moscow, Respublika Publ., 1999. 399 p. (in Russian).

9. Tomilin K. A. *Fundamental'nyye fizicheskiye postoyannyye v istoricheskom i metodologicheskom aspektakh* [Fundamental physical constants in the historical and methodological aspects]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2006. 368 p. (in Russian).

10. Solomonik A. *Opyt sovremennoy filosofii poznaniya* [The Experience of the Modern Philosophy of Knowledge]. Available at: http://conpl.ru/pub2/as_mpin.php (accessed 25 December 2018) (in Russian).

Декабрь 2018

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ АВТОРА

После согласования вопроса о публикации моей статьи в журнале «Жанры речи» я считал нужным добавить к ней несколько слов, обосновывающих причину такого решения. Мой новый подход к философии познания относится, конечно, не только к лингвистическим исследованиям, но и ко всем прочим видам познания, однако связи лингвистики и философии на протяжении всей истории цивилизации обеспечивают именно филологии особое место во взаимодействии этих двух наук.

На заре появления философского знания оно постоянно обращалось к языковым источникам и авторитетам, поскольку иных источников просто не было. Мнения философов и лингвистов совпадали и объясняли друг друга. Постепенно лингвистика стала отвоёвывать свою собственную территорию и разрабатывать свои независимые от философии закономерности. Философия не то чтобы исчезла из поля зрения языковедов, но явно отходила на второй план. Такое противостояние и взаимодействие продолжались на равных на протяжении всей истории развития наук, пока уже зрелая лингвистика не сочла возможным взять на себя в этом тандеме ведущую роль.

Сначала де Соссюр выступил в своих «Очерках общей лингвистики» (1916 г.) как основатель новой науки, названной им *семиологией*, и заявил, что лингвистика является частью семиологии. Семиология под названием *семиотики* продолжала укрепляться и развиваться, и одним из главных ее направлений стала опора на лингвистические понятия и представления. Во второй половине XX века выдающийся писатель Умберто Эко в «Трактате по общей семиотике» (1975 г.) систематизировал эту науку на тот период и придал ей сильный импульс для дальнейшего развития. Это полностью совпадает с моими взглядами на природу познания, которое должно подходить отдельно к познанию онтологии и семиотической реальностей.

Третьей составляющей материального мира по моей теории являются наши идеи о будущем. Они выступают как примерные параметры того, что потом реализуется в жизни и входит в наш быт в онтологической либо семиотической реальностях. Здесь зачинщиками выступают литераторы-фантасты. Они фантазируют по поводу того, каким образом их задумки могут быть воплощены в жизнь. Достаточно сослаться на книгу Томаса Мора «Утопия» (1516 г.) и на труд Томмазо Кампанеллы «Город Солнца» (опубликован в 1623 г.), которые явились провозвестниками ряда капитальных социальных преобразований в жизни человечества. Технические новшества часто предваряются в литературных либо научных трудах, высказанных задолго до своего вещественного воплощения; вспомним хотя бы Жюль Верна. Все это обеспечивает лингвистике и писательскому труду право первородства в создании проектов виртуальной реальности.

Наконец, моя идея о новом подходе к философии познания зиждется на передовых исследованиях в области лингвистики и теории коммуникации, таких как *теория непрямо́й коммуникации* В. В. Дементьева, которая, по-моему, дополняет, так сказать, «прямоточные» теории открытой и однозначной коммуникации. В ней подробно анализируются *речевые жанры*, которые, по мысли Дементьева, одновременно принадлежат и языку, и речи, составляя некоторое переходное между ними состояние, необходимое для межличностной коммуникации. Это уже веяния сегодняшнего дня, которые могут расцвести и разнообразить наши прежние лингвистические изыскания. И совершенно не случайно моя статья, нацеленная на разнообразие логик и подходов к познанию, появляется в журнале, основанном на пропаганде идей непрямо́й коммуникации в разнообразных жанрах речи.

**ПРИМЕЧАНИЕ ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА**

Статья Абрама Соломоника затрагивает целый ряд актуальных, далеко не до конца решенных (причем часто принципиально не имеющих однозначного и общепризнанного решения) проблем общетеоретического, общенаучного, философского, семиотического и т. д. характера.

Суждения автора, как и в его работах прошлых лет, отличаются большой оригинальностью, далеко не всегда «вписываются в контекст» современной науки.

Поэтому данная статья, после поступления в редакцию, вызвала весьма бурную дискуссию у членов редколлегии.

Дискуссия эта, как думается (включая ответы автора), тоже может представлять интерес для читателей, в т.ч. читателей-жанроведов, возможно, навести их на какие-то новые мысли. Поэтому было решено опубликовать и ее.

Кроме того, эту дискуссию мы готовы продолжить. Ждем новых статей-реакций от всех заинтересовавшихся.

В. В. Дементьев, Л. В. Балашова, В. И. Карасик

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим!

Я выставил небольшую работу на academia.edu и назвал ее «Философия метамыслия». Небольшая статья по-английски, но она вызвала массовые отклики.

Посылаю вам этот текст – он как бы завершает целый этап моей недавней философской активности.

Ваш А. Соломоник.

В. В. Дементьев – А. Соломоннику

Мне очень понравилось! Четко, доказательно, красиво. Заставляет думать. Ну да, еще древние греки противопоставляли Космос и Хаос. Показалось только, что сводить метамышление в языке к одному лишь синтаксису значит сильно его, метамышление, обеднять. Еще показалось, что в Вашей схеме трудно найти место для эстетики и творчества (не обязательно художественного). Судя по всему, его место все там же – в метамышлении? Хотя несколько странно, что творчество «оказывается» в одном ряду с тем же синтаксисом. Кстати, психологи, насколько мне известно, связывают творчество с правым, а не левым полушарием.

А все виртуальные дела Вы выделили в целый самостоятельный тип, равный таким громадным типам, как вещи и мысли! И я подумал, как много людей в последнее время задумываются о виртуальной реальности: В. И. Карасик, В. М. Алпатов...

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

...Что касается «сводить метамышление в языке к одному лишь синтаксису...», то я и не собираюсь это делать. Синтаксис приведен мной лишь как пример метамышления, уже введенный в норму в лингвистике. Сама же тема безбрежна и неисчерпаема, тем более что речь идет не только о языке, но о мышлении в целом.

В. В. Дементьев – В. И. Карасику, В. М. Алпатову

Здравствуйте!

Абрам Соломоник, которого Вы знаете, написал статью про метамышление (по-английски), которая показалась интересной. Возможно, Вас тоже заинтересует. Он там выделяет все виртуальные дела в целый самостоятельный тип, равный таким громадным типам, как вещи и мысли.

В. М. Алпатов – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим Викторович!

Статья Соломоника любопытна.

В. И. Карасик – В. В. Дементьеву

«Мета- и мета-мета». Статья Соломоника хорошая, спасибо. И язык хороший. Основная схема в статье не вызывает возражений. Это, в общем-то, философия языка. Видно, что он начитанный человек и хороший лектор, умеет доходчиво формулировать мысли. Я тоже пытался построить подобную схему, говоря о том, что мы движемся к третьей сигнальной системе, знаки первого порядка – знаки второго порядка – знаки третьего порядка (художественная литература и всё, что противостоит обиходному общению). Вы правы, виртуальная реальность многих волнует, поскольку сетевой дискурс нас меняет.

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

У меня новости.

Простите меня за назойливость, но мне важно именно ваше мнение. Поэтому посылаю вам текст моей новой статьи философского содержания.

Прошлый раз я послал вам работу о метамыслии, а вы ее переслали вашим друзьям. Ответ Карасика произвел на меня большое впечатление.

В настоящей статье есть абсолютно новые мотивы (в конце). Хотелось бы получить ваше мнение по этому поводу. А также, может быть, и Карасика.

Еще раз прошу извинения за настойчивость. Надеюсь на ваше долготерпение. Абрам.

В. В. Дементьев – А. Соломоннику

Дорогой Абрам Бенцианович!

Получил и с интересом прочел Вашу новую статью. Радует Ваша творческая активность и, конечно, идеи, которые всегда обогащали меня и обогащают.

Хотя я и не считаю себя философом совершенно, у меня, например, даже нет своего мнения по вопросам: 1) «мертва» ли сегодняшняя философия или нет? 2) возможно ли сегодня нарисовать общую для всех людей картину существующего мира?

Тем более не могу квалифицированно оценить Ваши главные мысли: 1) создание новой, улучшенной философии на основе совмещения трех видов реальности в процессе познания, хотя лично мне эта Ваша идея, конечно же, очень нравится (я уже писал Вам об этом после Вашей пред. статьи на английском), 2) суперсимметрия (признаюсь, иллюстрация суперсимметрии трансгендерами несколько смутила, хотя понимаю, что дело не в них).

Кстати (не знаю, знаете ли Вы это), Семен Людвигович Франк был первым ректором моего университета в Саратове!

А в качестве маленького подарка – думаю, Вам понравится этот коротенький текст, написанный па-

ру лет назад В. И. Карасиком (полагаю, его можно считать вполне философским):

Есть четыре типа людей, избегающих учения:

Глупцы, которые не могут учиться из-за недоразвитости, – их не следует замечать;

Расточители, которые не хотят учиться из-за порочной тяги к легкой жизни, – их нужно наказывать;

Обыватели, которые не хотят учиться из-за привязанности к быту, – их будут использовать;

Путаники, которые не могут учиться из-за недисциплинированного ума, – их следует поправлять.

Есть четыре типа людей, избравших учение:

Исполнители, которые учатся потому, что так положено, – их можно пожалеть;

Честолюбцы, которые учатся для того, чтобы добиться почта, – их нужно контролировать;

Ценители, которые учатся для своего удовольствия, – они заслуживают поощрения;

Избранники, которые учатся потому, что в этом смысл их жизни, – им принадлежит мир.

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим!

Спасибо за письмо и за интерес, проявляемый к моим трудам, – меня это сильно греет. Сейчас буду переводить свою статью на английский, дабы выставить ее на иностранном сайте.

Текст Карасика блистателен. Передайте ему мое восхищение. Как бы мне хотелось выбраться к вам и к нему и просто поговорить. Вы отослали ему мою статью? Сделайте это, пожалуйста.

В. В. Дементьев – В. И. Карасику

Дорогой Владимир Ильич!

Вы помните Абрама Соломоника? Его очень, по его собственному выражению, вдохновил Ваш отзыв о его статье (на англ. языке), теперь он написал еще одну статью и очень хочет, чтобы Вы прочитали. Он это в своем письме несколько раз повторил. Эта его статья показалась мне интересной, хотя я и не считаю себя философом совершенно

На всякий случай сообщаю его адрес.

В. И. Карасик – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим Викторович!

Я прочитал статью Абрама Соломоника. Возражений нет. Логика его рассуждений понятна. Другое дело, что к жанрам речи это привязать трудновато. Должен быть отдельный журнал по семиотике или герменевтике.

Я бы не сказал, что философия мертва. Она решает свои задачи – определяет смыслы. Мои знакомые философы часто настойчиво повторяют, что философия – это не наука, и не царица наук, это миропонимание. И картина мира у людей всегда есть – обиходная, данная в личном опыте и языке, и специальная, в тех областях знания, в которых живет конкретный человек – поэтому можно выделить разные картины мира – научную, техническую, религиозную, эстетическую и т. д. Суперсимметричность я с первого захода не осилил (как пишут на олбанском, ниасилил). Надо подумать. Но выделение трех типов реальности (а их может быть и больше) возражений не вызывает.

В. В. Дементьев – А. Соломоннику

Дорогой Абрам Бенцианович!

Я не знаю, прислал ли Вам В. И. Карасик отзыв о Вашей статье: Ваш адрес я ему послал вместе с ней. На всякий случай пересылаю Вам его текст. По-моему, он очень хороший, а суперсимметричность мне тоже была не очень ясна, как я Вам уже говорил, особенно когда иллюстрируется трансгендерами.

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим!

Вы меня сильно заделали возражениями по поводу моего довода о трансгендерах в обычном делении всех людей на два вида – на мужчин и женщин. Я полез в современные учебники логики и вот что нашёл.

Найдите в Сети книгу Логика. Учебное пособие – Д. А. Гусева (ее легко найти и открыть). В главе 1.11 Деление понятий прямо указано, что «люди делятся на мужчин и женщин» и больше ничего нет (прочитайте эту главку до конца).

Это-то мне и требовалось. Я ведь что утверждаю? Философия познания делится на три этапа – мифологический (религиозный), первый научный период со своим грубым подходом к многообразию онтологических и семиотических фактов (в частности, это – закон исключения третьего в его бескомпромиссной формулировке). Он помог нам справиться с первой вспашкой научного поля. И это наше достоинство. Но этого мало – мы наткнулись на множество фактов, где он нарушается и не действует. Одним из таких фактов является нарушение дуалистического подхода к делению полов. Разве это не так? Я хочу выделить переход науки к третьему периоду – более тонкому и благоприятному – к отступлениям от жестких логических рамок прежнего подхода. И мой пример действует именно в этом направлении.

Это не реприманд в ваш адрес, а спасибо за то, что заставили прояснить вопрос, который, видимо, затруднил и вас, и Карасика. Желаю всех благ, А. С.

В. В. Дементьев – А. Соломоннику

Совсем не собирался Вас задевать, и реприманд, полагаю, не заслужил.

Просто сразу все понял не так, как Вы, в чем и признался. Заметьте – я совсем не утверждал, что сама идея суперсимметричности неверна. Я понял ее (возможно, я ошибаюсь) как часть общей проблемы совместимости разных сверхсложных систем, которая (их совместимость) по определению может быть только очень тонкой, не механистичной. А возможность когда-нибудь в будущем совмещения разных типов реальности (например, человек сможет одной лишь силой мысли входить в интернет и действовать и творить там) выглядит так заманчиво!

И Ваша характеристика третьего периода науки как «тонкого и благоприятного» отступления от жестких логических рамок прежнего подхода звучит очень заманчиво и многообещающе.

Но как раз само по себе разрушение всех жестких традиционных диад не кажется мне таким уж тонким и благоприятным, наоборот: кажется несколько механистичным и далеко не новым. Совмещение верха и низа – «старый добрый» карнавал (кстати, участники карнавала, в числе прочего, иногда переодевались

в одежду противоположного пола, т. е. это не достижение новейшего времени), истинного и ложного да даже добра и зла – постмодернизм, и т. д. Сейчас пытаются «примирить» разные культуры-религии (ср. мультикультурализм), религиозность и атеизм, найти «свою правду» не только в атеизме, но и нацизме, например.

Возможно, Вы правы и именно такой логике принадлежит будущее, причем не только логике, но и этике, но меня это все как-то не вдохновляет. Кажутся равно несимпатичными и трансгендеры, и постмодернизм. Наверное, дело в моем консерватизме, которого во мне, как я уже не раз замечал, гораздо больше, чем в Вас).

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

Тут есть еще один нюанс, который я не подчеркнул. Старая парадигма должна в основе своей продолжать существовать. Так что добавки и исправления должны будут просто дополнять прежде достигнутое, и разделение на мужчин и женщин нигде не исчезает. Обе предлагаемые мной стадии развития остаются в пределах научного подхода. Ваше замечание, что моя склонность в оппортунизму может оказаться не совсем желанной, является серьезной опасностью. Ваш А. С.

В. В. Дементьев – А. Соломоник

Дорогой Абрам Бенцианович!

Да, это существенное замечание.

Конечно, мои соображения не затрагивали сущности Вашей идеи, а только различные «сопутствующие» вещи.

Теоретически и методологически логику нельзя подменять этикой, но на практике это постоянно случается, отсюда и вполне реальная опасность, о которой Вы говорите.

Точно так же: неудачное применение какой-либо идеи на практике не означает, что сама по себе идея плоха, но влияет на ее (идею) восприятие людьми.

Пример: толерантность – несомненно одно из величайших достижений гуманистической мысли, а ее логическое преломление ведь и есть не что иное, как суперсимметричность, Вы согласны?

Но на практике толерантность сегодня сплошь и рядом понимается как этот самый мультикультурализм и оппортунизм и сильно скомпрометировала себя. Вот что писал о толерантности в науке мой покойный коллега К. Ф. Седов: «На место горячих споров, конфликтных (в хорошем смысле этого слова) дискуссий пришла вялотекущая толерантность, где за плохо скрываемым неприятием чужого мнения просвечивает неприязнь к новым подходам и страх перед свежими идеями».

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим!

Продолжим нашу дискуссию еще немного – она того стоит. На сей раз по поводу слов В. И. Карасика «Другое дело, что к жанрам речи это (т. е. моя теория о суперсимметрии – А. С.) привязать трудновато.»

Как раз наоборот. Ваши любимые жанры речи являются блестящим доказательством моего подхода: раньше лингвистика рассказывала только о своем прямом назначении – что сказал, должно быть истолковано прямо. Вы занялись и развили особый подход

к косвенным, обходным и почти неприметным подспудным возможностям языковой коммуникации. Росло дерево лингвистики. Сосюр и его последователи его поливали и пестовали. А вы пришли и начали обихаживать отдельную его ветвь (даже ствол) – поливать, срезать лишнее, покрывать ствол белой известью. И это ответвление растет и плодоносит. Не кажется ли это вам суперсимметричным?

А теперь вы заявляете, что вы слишком «консервативны» для принятия нового. Я предлагаю вам дерзкую мысль – опубликовать в вашем журнале мою статью о суперсимметрии и нашу текущую с вами переписку (разумеется, выкинув слишком личные замечания и сделав ее не диалогом, а триалогом, включив мнение Карасика).

Прибавлю еще одно соображение. Есть два вида исследователей. Одни крутят прялку и вытаскивают из пряжи нить ради самой нити. Тянут и тянут, собирая ее в клубок, а содержанием этой нити служат высказывания разных специалистов, которые жили и писали до них. Иногда очень важных персон, перед именем которых неизменно встаешь по стойке смирно. Ну и что? Большинство таких клубков остаются невостребованными и лежат себе в каком-нибудь научном издании. Есть и другие ученые, вроде нас, которые обращаются непосредственно к сути дела и к изучаемой материи – им труднее, так как их легко проверить. Проверка идет с обращением опять-таки к самой материи, а не к тому, что кто-то и когда-то сказал. Ваша теория о жанрах речи являет нам такой образец творческой науки; но новое приходится защищать, так как оно встречается публикой со страхом и недоверием.

Вот и все, дорогой. Передайте Карасику мой привет и наилучшие пожелания. И напишите мне еще раз его электронный адрес. Я его где-то потерял. Ваш А. С.

В. В. Дементьев – В. И. Карасику

Дорогой Владимир Ильич!

В эти дни у меня развернулась оживленная переписка с Соломоником по поводу его статьи. Я хотел бы, чтобы Вы ее посмотрели: по-моему, она представляет интерес – прежде всего имею в виду его предложение, которое он делает в конце. Мне, пожалуй, нравится эта его «дерзкая мысль», а Вам? В этом отношении больше всего меня смущает как раз его самое последнее письмо, где он меня нахваливает...

В. И. Карасик – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим Викторович!

Я прочитал Вашу переписку с А. Б. Соломоником. Конечно, журнал – это место для выражения разных позиций. Почему бы и нет?

Напишу ему письмо – давно пора)

В. В. Дементьев – А. Соломоник

Конечно, я более консервативен, чем Вы, – вспомните наше с Вами разное отношение к скайп-дискуссиям, вебинарам и подоб!

«Дерзкая мысль» мне понравилась. Я бы даже не стал выбрасывать ничего «личного». В этом отношении гораздо больше меня смущают Ваши слова в самом последнем письме, где Вы меня нахваливаете.

Я уже написал Карасику – вот его ответ:

Я прочитал Вашу переписку с А. Б. Соломоником. Конечно, журнал – это место для выражения разных позиций. Почему бы и нет? Напишу ему письмо – давно пора)

Поскольку он тоже член редколлегии журнала, вопрос можно считать решенным.

Я только попрошу Вас написать аннотацию.

А. Соломоник – В. В. Дементьеву

Дорогой Вадим!

Тогда решено, Avanti, porolo! Посылаю вам окончательный текст моей статьи о суперсимметрии со всеми изменениями, которые я в нее внес.

В переписку придется внести изменения, например, выкинуть ничего не значащие фразы, которые касаются, кому писать, да как писать и пр. Но это мелочи, а сейчас я очень рад, что вы приняли мое предложение. И от похвал, коли они справедливы, отказываться грех.

Я копирую это письмо для В. И. Карасика, но потом напишу ему отдельно. Мы втроем можем очень многое сделать.

Самого плодотворного года. Привет супруге, Абрам.

Статья поступила в редакцию 24.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Соломоник А. Философия суперсимметрии // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 166–182. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-166-182>

For citation

Solomonick A. Philosophy of Supersymmetry. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 166–182 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-166-182>